

но рассматривается эллипсис в устном варианте), различия мужской и женской речи, формы вежливости, дейктические выражения (в том числе вспомогательные глаголы направленности действия), связанные с дейксисом обозначения способов получения информации (достоверное знание, знание на основе внешнего наблюдения, чужих слов и т. д.). Как указывает М. Сибатани, во всех этих случаях решающую роль в выборе тех или иных форм играет позиция говорящего, отражаемая в японском языке богаче, чем в английском.

Введение и заключение к японской части книги посвящено несколько неожиданно для читателя-лингвиста вопросу: автор желает разоблачить мифы, которыми окружен японский язык; к их числу он относит мифы об уникальности японского языка, его особой трудности и нелогичности. Все эти утверждения разбиваются М. Сибатани без труда, однако странным может показаться само намерение автора. Ясно, что здесь речь идет не о науке, а о стереотипах японского массового сознания, с которыми приходится сталкиваться и в наши дни и которые иногда проникают даже в японскую лингвистическую литературу; корни этих стереотипов М. Сибатани справедливо видит в многовековой изоляции Японии, психологически не преодоленной и сейчас; дополнительный фактор — обособленность японского языка, не имеющего близких «родст-

венников». В разоблачении мифов о японском языке данная книга сходитя с книгой уже упоминавшегося Р. Э. Миллера [6], хотя М. Сибатани в отличие от Р. Э. Миллера избегает критики японского языкознания.

Безусловно, новая книга М. Сибатани содержит немало интересных трактовок некоторых важных явлений японской грамматики. Однако главная ее ценность, на наш взгляд, в другом: она знакомит лингвиста, не владеющего японским языком, с разнообразными и в большинстве случаев хорошо систематизированными фактами айнского и японского языков, а также с позитивными результатами исследований японских ученых, из-за языкового барьера не известными за пределами Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гэнго («Язык»). 1983. № 8. С. 80—82.
2. Добровольский М. М. Айско-русский словарь. Казань, 1875.
3. Miller R. A. The Japanese language. Chicago; London, 1967.
4. Холодович А. А. Синтаксис японского военного языка. М., 1937. С. 4—5.
5. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 1972. С. 121.
6. Miller R. A. Japan's modern myth. The language and beyond. New York; Tokyo, 1982.

Алпатов В. М.

Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.; Изд-во ЛГУ, 1988, 263 с.

Рецензируемая работа относится к тем пока еще немногим компаративистским исследованиям, в которых дивергентное и конвергентное развитие родственных языков рассматривается в гармоничном единстве. Такой подход следует признать реалистическим для любой группы генетически соотносимых языков, поскольку ни один из них не развивался в условиях лингвистического вакуума, а на границах языков, которые находились в контактных отношениях с соседями, возникали достаточно широкие билингвистические и полилингвистические зоны. Если к этому прибавить характерные для доисторических времен миграции и связанное с этим явление субстратно-суперстратное взаимодействие, необходимость постоянного учета соотношенности дивергентной и конвергентной эволюции становится очевидной. Равновероятность этих двух типов лингвистической эволюции, одна-

ко, не предполагает их эвристического равноправия.

Уже достаточно давно древнегреческий рассматривался, по крайней мере частично, как результат конвергенции палеобалканских языков и «догреческого». Более того, методика изучения конвергентных связей проверялась и совершенствовалась именно на этом материале. Примером экстраполяции данного подхода к праславянскому и прабалтийскому является появившаяся недавно монография Г. Хольцера [1], продемонстрировавшая ряд этимологических находок. Работа Хольцера и некоторые другие современные исследования указывают на огромные потенциальные возможности современных методик изучения конвергентного развития языков.

Сразу же следует сказать, что, хотя Ю. В. Откупщиков исследует достаточно традиционный материал, его подход

к нему весьма далек от традиционности, и выражается это прежде всего в особом внимании к надежности результатов исследования, к выработке приемов и методов, способствующих максимальному повышению этой надежности.

Проблеме надежности полностью посвящена глава «Принципы и методика ономастического анализа». Автор работы, известный большими эвристическими результатами в области индоевропейской этимологии, прекрасно знает подводные камни этимологического анализа, тем более если речь идет об ономастике (а палеобалканские языки являются языками «ономастическими»). Следует сказать, что и при этимологизации апеллятивной лексики Ю. В. Откупщиков всегда был склонен к системному подходу. Изолированный анализ происхождения «отдельных слов» с «индивидуальной биографией» не вызывал у него сочувствия. Аналогичный подход к изучению ономастики и вовсе не принимается им всерьез.

Ю. В. Откупщиков признает определяющую диагностирующую роль формантного словообразования. Опыт лингвистических исследований последних лет вполне подтверждает справедливость такого подхода. При этом в рецензируемой работе не только строятся словообразовательные ряды и анализ ведется на массовом материале, но особое внимание обращается на закономерности конглотинации формантов (комбинаторики первичных и вторичных суффиксов), на стабильное закрепление за определенными основами постоянного репертуара суффиксов. Как отмечает автор, «...этимология должна не начинать, а завершать ономастическое исследование, отравившим пунктом и базой которого должен быть словообразовательный анализ» (с. 95—96).

Тонкий словообразовательный анализ сочетается по возможности с лингвогеографической локализацией топонимии и антропонимии. На с. 143—153 приводятся образцы регулярных чередований суффиксов. Подчеркивается, что в приведенных 170 чередованиях мы находим более 100 фракийских имен, около 70 — карийских, около 30 — фригийских, 25 имен из фессалийско-македонской области, 10 — из Беотии и Аттики. Таким образом, мы получаем словообразовательную характеристику палеобалканских языков, сопоставимую с греческой, что позволяет ответить на вопрос о направлении миграции носителей языка. При этом учитывается одно очень простое правило. Если в одном ареале мы находим простую, а в другом производную основу (с. 118), то миграция проходит от первого ареала ко второму. Простую основу мы находим на Балканах, а производную в Малой Азии (с. 165—166). Отсюда кардиналь-

ный вывод о направлении миграции с Балкан в Малую Азию, а не наоборот. Следует заметить, что это правило в свое время было применено Лер-Сплавинским для доказательства миграции славян из бассейнов Вислы и Одры в бассейн Днепра. Тем самым эффективность подхода при прочих равных условиях убедительно доказана.

Ю. В. Откупщиков основательно изучил исторические, археологические данные и пришел к заключению, что выводы, которые на них строятся, совпадают с его собственными ономастическими.

Работа, сделанная автором рецензируемого исследования, видится нами как успешная попытка идентифицировать палеобалканский языковой ареал путем его обозрения изнутри. Полученные результаты рассматриваются нами как надежные и поэтому чрезвычайно важные.

Естественно возникает мысль о целесообразности подтверждения этих результатов путем обозрения извне. Исследования типа работ, посвященных балто-фракийским изоглоссам, ничего существенного не дают, поскольку в них, во-первых, игнорируется диагностика надежности и, во-вторых, лингвистический статус их не определим. Однако существует область, в которой результаты, полученные Ю. В. Откупщиковым, могут найти подтверждение. Во всяком случае то, что нам из этой области известно уже сейчас, способно поддержать концепцию палеобалканского массива родственных языков.

Изучение глоттогенеза славян привело к доказательству контактов носителей праславянского языка с германцами на западе, с кельтами на западе и юго-западе, с балтами на северо-востоке и востоке, субстратно-суперстратных отношений протославян с «италийцами» и иранцами. Белым пятном остается южная граница славянской прародины, где можно было бы ожидать палеобалканское языковое влияние. Если мы обнаружим древнейшие лексические проникновения, не связанные с относительно поздно возникшей балкано-карпатской пастушеской миграцией, это было бы дополнительным свидетельством в пользу концепции Ю. В. Откупщикова. Надежность обнаружения такого рода фактов должна определяться следующими условиями: лексема должна быть зафиксирована в древнегреческом и доказательно реконструироваться для праславянского. Вот несколько таких примеров с начальным *k-*.

Прасл. *kosъ* «черный дрозд» (болг. *kos*, серб.-хорв. *kos*, словен. *kob*, чеш. *kos*, польск. *kos*, в.-луж. *kos* тж.). В качестве ближайшего к источнику проникновения определяется греч. *κόβρος* тж. Тогда палеобалк. **kops-* «черный дрозд» > протослав. *kopsъ тж. > прасл. *kosъ* тж. Про-

никновенно, таким образом, осуществилось до упрощения в праславянском группы согласных $ps > z$ (как $osa < *wersa$: ср. литов. $vapsa$ «оса»). Дублет $\kappa\beta\phi\chi\sigma$ — $\kappa\beta\sigma\phi\chi\sigma$ «черный дрозд» Откущников относится к догреческому слою (с. 110).

Прасл. $kъrma$ «рулево вёсло» (болг. $kъpma$, серб.-хорв. $kъpma$, словен. $kъpma$ тж.), русск. $kъpma$ «тыльная часть корабля»). Источником проникновения могло быть палеобалк. * $kъrmo$ -«вёсло» ($\kappa\alpha\rho\tau\acute{\iota}\sigma$: $\mu\alpha\rho\tau\acute{\iota}\sigma$ — Гесикий).

Прасл. $kъsmъ$, $kъsmu$ «волосы» (болг. $kъcъmъ$, словен. $kъcъma$, чеш. $kъsmъ$, польск. $kъsmъ$, др.-русск. $kъcъmъ$ тж.). Ближайшим к источнику проникновения определяется греч. $\kappa\beta\rho\lambda$ «волосы» < * $\kappa\beta\sigma$ $\mu\eta$ (ср. $\kappa\beta\sigma\phi\chi\sigma$ «порядок, украшение»). Таким образом, праслав. * $kъsmъ$, $kъsmu$ < палеобалк. $kъsmā$ -. Ср. фракийское личное имя $Kъcъ\sigma$ (с. 110), которое, возможно, генетически связано с этой группой слов.

Прасл. $kъmъtъ$ «крестьянин» (серб.-хорв. $kъmъtъ$, словен. $kъmъtъ$, чеш. $kъmъtъ$, польск. $kъmъtъ$). Источник проникновения, возможно, палеобалк. * $kъmet$ - тж. Ср. др.-греч. $\kappa\omega\rho\upsilon\tau\eta\varsigma$ «крестьянин», $\kappa\omega\rho\upsilon\eta$ «село». Откущников отмечает карийское местное название $Kъ\mu\tau\eta\varsigma$ (с. 133).

Независимо от того, существует ли доказательство палеобалканского происхождения перечисленных слов в древнегреческом, сам факт их проникновения в праславянский явился бы свидетельством в пользу этого, поскольку непосредственных проникновений из древнегреческого в праславянский быть не могло.

В своих этимологических построениях Ю. В. Откущников исходит из концепции генетического родства палеобалканских языков, к которым кроме греческого он причисляет карийский, македонский, фракийский и фригийский языки. Обоснования этой концепции (в первую очередь — в связи с его собственными истолкованиями карийских надписей) он начал излагать с 1966 г. и опубликовал за двадцать лет 15 работ в отечественных и зарубежных изданиях. Его изыскания в области карийского языка [2] были встречены раздраженным молчанием специалистов по дешифровке негреческих надписей запада Малой Азии (среди которых продолжают господствовать концепции о принадлежности всех этих языков к хетто-лувийской ветви). Однако конкретные языковые аргументы, которые могли бы поколебать выводы Ю. В. Откущникова, в научной печати за эти два десятилетия фактически не приводились.

На результаты карийских и других палеобалканских построений Ю. В. Откущникова опирался в своих исследованиях языка фригийских надписей один из авторов данной рецензии [3—6].

В результате своих многолетних ис-

следований Ю. В. Откущников пришел к следующим выводам фундаментального характера: «Приведенные... примеры целого ряда фонетических особенностей, объединяющих древние палеобалканские языки, говорят в пользу общности их происхождения. В то же время целый ряд черт, общих фракийскому, фригийскому и карийскому языкам, оказываются явно чуждыми греческому языку, хотя они полностью совпадают с теми особенностями ономастической и апеллятивной лексики, на основании которых ее обычно относят к догреческому субстрату» (с. 129—130). «Вся сумма словообразовательных моделей в палеобалканских языках объединяет фракийский, фригийский и карийский, отчасти противопоставляя эти языки греческому» (с. 131). С этим полностью согласуются последние результаты прочтения фригийских надписей и наши выводы о близости их языка к другим палеобалканским и греческому (греческий язык так относился к палеобалканским, как латинский к италийским) ¹.

Книга Ю. В. Откущникова, подводящая итоги его двадцатипятилетним исследованиям и обобщающая его предыдущие этимологические работы по догреческой лексикологии, дает основания для решительного отказа от нескольких широко распространенных, «общепринятых» (почти «банальных»), а фактически необоснованных концепций. Выделим четыре из них.

1. «В топонимике Балкан и Эгеиды есть следы хетто-лувийских языков». Ю. В. Откущников считает несостоятельными все попытки давать «анатолийскую» этимологию топонимов и субстратно-адстратно-суперстратных слов в греческих текстах и обосновывает их палеобалканскую принадлежность. Ему никогда не представлялись убедительными более чем смелые выводы (на основании неудачных попыток дешифровки надписей) о принадлежности карийского языка к «анатолийской» группе (и даже еще более «точно» к «хетто-лидийско-карийской» подгруппе, противопоставляемой «лувийско-ликийской»). Приводя сопоставления с отрывочными данными лидийского и ликийского языков, Ю. В. Откущников воздерживается от их безоговорочного сближения с хетто-лувийскими (с. 30, 126—128, 188, 216).

2. «Во фракийском и фригийском языках произошло передвижение согласных». То, что принято называть «передвиже-

¹ В палеобалканскую ветвь, несомненно, не входил иллирийский (насколько о нем можно судить по мессыким надписям), обнаруживший явные генетические сходства с венецким и италийскими, а также с кельтскими.

нием», связано с членением индоевропейских языков на группы десем и тайпун. На месте звонких согласных в языках десем (итало-кельтских, греческом, албанском, балто-славянских, индоиранских), в языках тайпун (германских, агнео-кучанских, армянском, хетто-лувийских) представлены напряженные глухие согласные. Однако в выявленных палеобалканских словах присутствуют звонкие согласные, что свидетельствует об отнесении палеобалканских, как и греческого, к группе десем: ср. фриг. ἄζην «борода» (с. 110) — греч. γένος (но арм. *spanw* «щeka, челюсть»), мак. *аргѣлла*, кар. *аргѣлла* «белая глина» (с. 125, 136) — греч. ἀργός «блестящий» (но арм. *arcat* «серебро»); кар. *доФо-* «второй» (с. 94, 216) — греч. *δῶα*, фриг. *βέδω* «сосуд для воды» — греч. ὕδωρ «вода» (но арм. *get* «река»). Случай колебания в греческой передаче звонкости/глухости у палеобалканских топонимов не могут служить примером «передвижения согласных» (см. многочисленные примеры на с. 126—129); иногда такие колебания были и в апеллятивной лексике. Греческим придыхательным в других палеобалканских соответствуют звонкие: *κεφαλή* — *γαβαλα*, *Φρύγες* — *βρύγες*, *χλωρός* — *γλωρός* (с. 146), *φράτηρ* — *βρατερ-* (звонкие согласные были и в карийском, ср. *γισα* „λῖθος“², в хетто-лувийских же противопоставлению по глухости/звонкости соответствует противопоставление по напряженности/ненапряженности, выраженное геминацией в написании, звонкость фактически отсутствует).

3. «На Балканах были языки сатэм». Деление на кентум/сатэм основано на регулярных и позиционно не обусловленных соответствиях заднеязычных лабиализованных (или их позднейших трансформаций) простым заднеязычным и соответствия простых взрывных заднеязычных переднеязычным (шипящим или свистящим) аффрикатам или фрикативным. Однако случаи кажущейся «сатэмности» палеобалканских всегда связаны с передней огласовкой, т. е. могут быть истолкованы как результаты позднейшей палатализации (ничего общего не имеющей с исконной «сатэмностью»): *Αἰρικὴ* «αἰρικὴ», *Ευροτένης* «Εὐροτένης» (с. 143); ср. также фриг. *ζεῦμαν* — греч. *χεῦμα*, *εἶτιν — *εἶτις*, *αἶτεν*, *γένος* и др.²

4. «Албанский язык генетически связан с палеобалканскими». На самом деле ни один из догреческих или фракийских топонимов и ни одна палеобалканская глосса не этимологизируются на основе албанского языка. Следует добавить, что

и иллирийская топонимика (не рассматриваемая в рецензируемой книге) также не обнаруживает убедительных связей с албанским. «Сатэмность» албанского и его явные генетические связи с балтийскими и славянскими дают возможность выдвинуть гипотезу о позднем приходе предков албанцев на Балканы (скорее всего — из-за Дуная, с Карпат, одновременно со славянами): эти выводы строятся на основании данных, выявленных в рецензируемой книге. Сам же Ю. В. Откупщиков пришел к вполне обоснованной концепции, что греческий язык не был единственным представителем особой индоевропейской ветви (подобно армянскому или албанскому), генетически к нему были близки не только македонский, но и фракийский, фригийский и карийский языки (подобно тому, как к латинскому были близки фалисский, умбрийский, осский, сикульский, также венетский языки); эту ветвь можно назвать палеобалканской.

Книга Ю. В. Откупщикова ценна в двух отношениях: 1) с точки зрения методик и этимологических исследований и 2) с точки зрения новой концепции глоттогенетических взаимоотношений на Балканском полуострове, концепции палеобалканской языковой группы. Нет сомнения в том, что книга Ю. В. Откупщикова вызовет интерес отечественных и зарубежных специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Holzer G.* Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen. Wien, 1989.
2. *Откупщиков Ю. В.* Карийские надписи Африки. Предварительные материалы дешифровки. Л., 1966.
3. *Широков О. С.* Палеобалканские глоттогенетические связи // Языки и литература народов балканских стран. Л., 1986.
4. *Широков О. С.* Реконструкция праязыковых изоглосс общиндоевропейского диалектного континуума // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
5. *Широков О. С.* Введение в балканскую филологию. М., 1990.
6. *Широков О. С.* Палеобалканские этнические связи по данным фригийского языка // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. М., 1991.

² Это заставляет отказаться от гипотезы о «палеобалканском происхождении армян».